

A woman with short black hair, wearing a dark blue dress, is sitting on a suitcase against a red wall. She is looking to the left. The wall is textured and has some peeling paint. The suitcase is silver with brown corners.

НАДЯ ТЕРРАНОВА
ПРОЩАЙТЕ, ПРИЗРАКИ

ПРОЩАЙТЕ, ПРИЗРАКИ

тем, кто продолжает жить

Меня никогда не покидало ощущение, что мы странная семья людей не бедных и не богатых — гораздо более богатых, чем бедные, и гораздо более бедных, чем богатые; так, сад наш был достоин дома обеспеченных хозяев, и при этом в уборной царил полумрак и росла плесень.

Наталья Гинзбург «Детство»

Однажды утром в середине сентября мне позвонила мама с известием, что через несколько дней крышу нашего дома начнут ремонтировать. Так она и сказала — «нашего дома». Но я уже давно жила в другом городе, в другом доме, который арендовала вместе с еще одним человеком; дома, который я могла бы назвать «нашим», больше не существовало, этот ярлык отвалился, когда я уехала, все последующие годы изо всех сил стараясь очистить память от болезненных воспоминаний. Да, я знала, что крыша рухнет, она начала рушиться еще до моего рождения, она разваливалась и осыпалась все те годы, что я провела там, но моей вины в этом не было, человека нельзя привлечь к ответу за состояние жилья, которое он не хочет наследовать и от которого уже успел внутренне отречься. Я работала на радио, сочиняла для одной передачи истории, неожиданно став-

шие популярными, у меня были муж, карьера, свой город, новые вечера и другая жизнь.

Мать посетовала, что ей вечно приходится решать все проблемы самой, что дом тяжким грузом висит на ее плечах, что она безмерно устала... Переделка крыши (та была плоской, облицованной керамической плиткой и служила террасой) будет последним проявлением щедрости с маминой стороны, ведь нельзя же выставлять недвижимость на продажу с такими дефектами. Когда ремонт закончится и у дома появится новый владелец, мать купит себе что-нибудь недорогое и более долговечное. В ближайшее время некая фирма заделает дыры в кровле, образовавшиеся из-за непогоды, плохой изоляции и неудачных ремонтов у соседей, а пока идут работы, мы с мамой решим, что делать с мебелью нашего дома («нашего», повторила она), утварью и книгами. Не желая, чтобы впоследствии я упрекала ее, что она выкинула мое добро, мать предлагала мне приехать и самой выбрать, с чем расстаться.

Мне подумалось, что это будет легко, ведь меня не волнует судьба моих старых вещей, если не считать красной железной шкатулки, лежащей на дне одного из ящичков письменного стола.

Я собрала чемодан, купила по интернету билет на поезд на следующий день. Маршрут был знаком до мелочей. Утром сяду в вагон, дождусь, когда начнется длинный отрезок калабрийской железной дороги, пролегающий вдоль моря, и буду

неотрывно смотреть в окно, сойду с поезда в городке Вилла Сан-Джованни, пересею на паром до Мессины, приеду к матери и помогу ей, чем смогу.

Ночью мне снилось, будто я тону.

Нога мужа, прижимающаяся к моей, согревала ее, и в какой-то момент своего сновидения я стала входить в воду.

Я шла, будто зная, куда идти, сперва вода холодила только мои лодыжки, икры, колени, затем бедра, живот, грудь и плечи, а потом дошла уже до подбородка и рта. Я попыталась заговорить, и в этот момент меня накрыло волной. Мгновением раньше я шагала, мгновением позже утонула; зрение не затуманилось, я не обессилела, просто сложилось так, что я погрузилась в море и мое тело перестало существовать.

Моментально проснувшись, я поднялась на локти и села. Окликнула Пьетро, своего мужа, — мне казалось важным сообщить ему о том, что я умираю, и хотелось, чтобы он был свидетелем этого. Мои руки, плечи и подмышки взмокли от пота, лоб покрылся испариной. Муж с трудом открыл глаза, взял меня за руку и уселся подле. Ни он, ни я не знали слов, которые даровали бы мне утешение, а увиденный сон в очередной раз подтвердил, что своим бременем и страхом я не могу поделиться ни с одним человеком.

Десять с лишним лет назад, когда мы были вместе всего несколько месяцев, я попеняла Пьетро за то, что он недостаточно серьезно относится

к моим ночным кошмарам. В детстве бабушка по отцовской линии учила меня не молчать о плохих снах. «Если не расскажешь, ты от них не освободишься», — поясняла бабушка, и теперь, когда ее больше не было на свете, если Пьетро не проявлял сочувствия, я не могла ничего рассказать и ни от чего не освобождалась. С того дня он стал справляться о том, как я спала. Замечая, что я резко просыпаюсь посреди ночи, старался успокоить, а утром непременно просил: «Расскажи, что тебе приснилось». Я пыталась рассказывать, но это не помогало, ухищрения вообще не помогают, если переносишь их из одной эпохи в другую. Воспоминания должны оставаться воспоминаниями, а не разрушать настоящее. Зря я проболталась Пьетро о бабушке — возле нее, на большой кровати, пропитанной запахом старых простыней, рассказ складывался сам собой, а вот открыться мужу мне не удавалось. В эту ночь все повторилось, ни один из нас не был в настроении разговаривать, и это единство между нами было давним, таким же давним, как те времена, когда на страх мы отвечали желанием, а на кошмары сексом.

Схватив с ночного столика пластиковую бутылку воды, я сделала несколько жадных глотков. Муж коснулся моей спины с той усталой любовью, которая характеризовала наши отношения на нынешнем этапе, — любовью, переходящей в статичную привязанность, на короткое время создающей иллюзию общности и тут же вновь превра-

щающей нас в два обособленных существа. Я выпила еще воды, Пьетро подержал меня за руку, я легла, он тоже лег, я устроилась на боку, муж повернулся сперва ко мне, затем от меня, отчего наши спины соприкоснулись. Наблюдать за мной сквозь сон — таков был его способ любить меня, способ, которым люди могут любить друг друга, проведя вместе свыше десяти лет. Наши тела больше не работали в общем режиме сна и бодрствования, каждый из нас сделался для другого неким амортизатором.

Секс — это язык, и мы с Пьетро много говорили на нем в начале наших отношений, когда я только сбежала с Сицилии, удрала из разрушенной молчаливой семьи, а он встретил меня в Риме, став товарищем, родителем, братом. Вместе с городом я обрела новую себя, а Пьетро всегда был рядом, и это трогало меня до глубины души. В те первые месяцы мы раздевались при каждом удобном случае, любили друг друга до изнеможения и были счастливы, не обращая внимания на знаки, предупреждавшие, что долго это не продлится: так, мы никогда не занимались любовью два раза подряд, а, удовлетворившись одним, тотчас отстранялись и принимались одеваться. Нам удавалось получить и дать все, что мы искали, за минимальное время; закончив, мы восстанавливали отчужденность, которая тоже была частью нашего притяжения. Но вскоре — слишком скоро для истории любви, претендовавшей на то, чтобы быть

любовью всей жизни, — эта отчужденность превратилась в нашего врага. Тело перестало быть пространством общения, нежность вытеснили повседневные ритуалы, диалоги и хлопоты. Даже если мы ругались, ни один из нас не причинял второму страдания, мы жили словно в тени друг друга, Пьетро проявлял ко мне заботу, какой я не знала прежде. Некоторое время после того, как желание угасло, мы еще старались получить от секса взаимное удовольствие, а потом и это занятие стало бесполезным, точно старый словарь.

Я знала, что вина за происходящее лежит на мне. Это я первой замкнулась в себе, не имея привычки к открытости, к близости.

Тем не менее Пьетро стал единственным человеком, с которым я поделилась сокровенной историей о своем отце, и он принял мое прошлое как факт. Спустя три недели после знакомства (нам обоим было тогда чуть за двадцать) на наше первое настоящее свидание Пьетро явился с пакетом, в котором лежали синяя футболка для езды на роликах и дневник в твердом переплете. В тот миг я увидела в Пьетро человека, которого ждала. Он не знал, что в детстве я много каталась на роликовых коньках и много писала в дневниках, которые прятала в своей комнате. Однако выходило так, будто все это ему уже известно.

Я призналась Пьетро, что мой отец исчез, когда мне было тринадцать. «Не умер, а словно в воздухе растворился», — уточнила я, ожидая вопроса, кото-

рый боялась услышать: «А почему вы с матерью не сделали ничего, чтобы удержать отца и мужа?»

Но Пьетро не задал его. Ни о чем не спросив, мой будущий супруг внимательно выслушал те скупые слова, которые я сумела произнести: «Мой отец, преподаватель в старшей школе, однажды утром ушел из дома и больше не вернулся». Когда я умолкла, Пьетро тут же сменил тему. Он сказал, что, по его мнению, профессия, которую я выбрала для себя, мне не подходит: проблемы учеников, родителей и коллег переполняют мою душу, и через недолгое время работы в школе я обнаружу, что они взяли надо мной верх и что я несчастна. Пьетро не стал говорить, что жизнь не повторяется, что мне нет смысла копировать путь отца и тоже становиться учителем, — он сделал акцент на другом. «Среди толпы в вестибюлях и кабинетах у тебя не будет ни минуты покоя», — заметил он, после чего предложил мне попробовать себя в писательстве и переместить в будущие произведения ту боль, которая мешала мне жить.

До того дня мы с Пьетро встречались исключительно по радостным поводам. Вот почему я так поразились, что он сумел разглядеть в моих глазах эту потаенную боль. Я убедила себя в том, что Пьетро необыкновенный человек, и основала на этом убеждении нашу последующую совместную жизнь. День за днем я доверялась мужу, его серьезность напоминала скалу; как у всех скал, у нее имелись стены, карабкаться по которым подчас

было тяжело и опасно. В то же время иногда я ловила себя на мысли, что уже не смогу сама записаться к зубному врачу или заплатить по счетам, если забыла положить квитанции в соответствующие папки, заботливо приготовленные Пьетро. Каждый день быть вместе, принимать каждое решение вместе, знать наизусть запах, тело, характер другого человека — вот из чего складывался наш брак. Все прочее было неизведанным бурным морем, перебираться через которое не стоило.

Прошло минут десять. Пьетро уснул, а я лежала, подтянув ноги к груди и глядя на стену, и надеялась, что мне больше не придется противостоять воде; средства борьбы, которые предоставила мне ночь, уже использованы и нисколько не помогли. Я делалась незримой, всей душой желая, чтобы Пьетро видел меня, если я буду тонуть, буду умирать.

Двойником самого темного страха является удивительная легкость, поэтому мне захотелось заняться любовью, всепоглощающей, как в первые дни. Я повернулась и начала порывисто ласкать мужа, но из его рта раздался звук, похожий на всхлип, а тело сжалось, словно защищаясь. Мы могли бережно касаться друг друга, баюкать друг друга, но возможность заниматься любовью заставляла нас отступать подобно напуганным животным; она не повышала нашу уверенность в себе и в другом, скорее наоборот, предвосхищала потерю той малой телесной близости, которую мы

обрели с таким трудом. Мы знали друг друга слишком хорошо и смущались вида своих обнаженных тел, понимая, что ни один из нас двоих не устоит перед этим зрелищем, но не потому, что находит тело другого красивым или притягательным, а потому, что уже не знает, что и как ему сказать, с тех пор как в постели между нами спит словарь того языка, на котором мы прекратили говорить.

Снова повернувшись к мужу спиной, я стала сверлить глазами стену и размышлять. Совет, данный мне Пьетро десять лет назад, оказался дельным, и я много раз мысленно благодарила за него мужа. Я перекладывала часть боли в свои придуманные правдивые истории для радиопередачи, переливала в них воду, которая текла из моего прошлого, и уповала на то, что сочинительства мне будет достаточно для спасения. Долгое время тактика срабатывала, но с недавних пор в моей голове раздавался тревожный голос, который нашептывал: «Чтобы брак не утонул, одной благодарности мало».

Мучаясь бессонницей, обливаясь потом, слушая размеренное дыхание Пьетро и боясь гибели, я ждала рассвета, который упрямо не хотел наступать. Но все заканчивается рано или поздно, и те люди, которыми мы были или которыми считали себя, остаются в прошлом. С первыми лучами солнца я молча поднялась, поцеловала спящего мужа в губы и отправилась на вокзал.